

Красноглазый Надод на земле Санникова, или Библиотека одного гимназиста

Детство автора этих строк было обычным детством мальчика из среднеобеспеченной семьи: любимые книги, любимые игры. Впрочем, предоставим слово биографу: «Любимые его писатели: Майн Рид, Жюль Верн, Фенимор Купер, Гюстав Эмар, любимые книги: «Дети капитана Гранта», «Путешествие капитана Гаттераса». ...Он все чаще и чаще заменял теперь игры в солдатиков «живыми» играми с товарищами в индейцев, пиратов, ковбоев. Играл самозабвенно. Одновременно выполнял роль Эна-Саиба — героя восстания сипаев в Индии. Он даже требовал, чтоб его так называли. Потом стал Надодом Красноглазым — героем одного из романов Буссенара. По чину ему полагалось быть кровожадным. Но кровожадность никак не получалась. Однажды мальчики собрались жарить на костре пойманных карасей. В возмездие за проигрыш в какой-то игре один из товарищей потребовал от Коли, чтобы тот откусил живому карасю голову. Процедура не из приятных. Но Коля, для поддержания репутации кровожадного, мужественно справился с задачей, после чего, правда, от роли отказался».

Пройдет немногим более десяти лет, и на берегу Черного моря, в Коктебеле, повзрослевший мальчик напишет одно из самых знаменитых своих стихотворений, которое большинству из нас было знакомо лишь частично в интерпретации Маргариты Володиной, игравшей роль Комиссара в киноверсии «Оптимистической трагедии»:

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото

С розоватых брабантских
манжет...

Ну и что? — удивится читатель. — Слава Богу, Гумилев и его «Капитаны» теперь у всех на слуху, так что не стоило окружать его детство и имя ореолом таинственности.

Согласен. Вернее, согласился бы, если б тайны действительно не было. А она есть, пока, во всяком случае. Дело в том, что в чрезвычайно интересной и добротной написанной книге «Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам архива семьи Лукницких» (Л., 1990), отрывок из которой я привел выше, автором — Верой Лукницкой — до-

пущена ошибка. Ошибка, отнюдь не являющаяся следствием какой-либо недобросовестности автора.

В перечне имен любимых писателей будущего поэта отсутствует одно имя. А ведь именно из его книг юный Гумилев узнал и о восстании сипаев, и о «кровожадном Красноглазом Надоде». Это не Буссенар, как утверждает В. Лукницкая, а французский путешественник, этнограф и литератор Луи Жаколио. Автор большого количества приключенческих романов долгие годы провел в Индии и Океании в качестве чиновника колониального ведомства. Имя его, ничего не говорящее современному читателю, хорошо было известно в России в последней четверти XIX — первой трети XX веков. Наибольшей популярностью пользовались его романы «В трущобах Индии» (о восстании сипаев), трилогия «Берег черного дерева. Берег Слоновой Кости. Песчаный город» и «Грабители морей». Один из героев последнего произведения — Красноглазый Надод, столь поразивший воображение Гумилева-гимназиста. В основе сюжета «Грабителей» лежит история борьбы

герцогов Норландских с пиратским товариществом, именем которого и названа книга. Представляет интерес тот факт, что пиратам и кровожадному Надоду в романе противостоит Фредерик Биорн, герцог Норландский, появляющийся на страницах романа под именем капитана Вельзевула во время сильного шторма, грозящего гибелью экипажу. Спасенный искусством капитана от бури корабль тут же попадает в Мальстрем...

Впрочем, нет дела более неблагодарного, чем пересказывать книги. Скажу лишь, что в конце романа Фредерик возглавляет экспедицию к Северному полюсу, где надеется открыть землю с теплым, почти тропическим климатом, наподобие земли Санникова (последняя, однако, появилась позже).

Может быть, капитан Вельзевул был одним из прообразов «Капитанов» Николая Гумилева? По крайней мере, в этих строках:

Быстрокрыльях
ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Те, кому не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы
и мель...

Судьба творчества Жаколио в нашей стране сродни судьбе наследия Гумилева. Объявленный в конце 20-х «идеологом французской буржуазии» Жаколио не мог рассчитывать на переиздания, тем более что в «Краткой литературной энциклопедии», вышедшей в те годы, «появление романов писателя на советском книжном рынке» (был, оказывается, такой!) классифицируется как «факт отрицательного порядка». «Вредные книги» были изъяты. В конце 50-х, правда, небольшим тиражом был выпущен в сокращенном переводе «Берег черного дерева и слоновой кости».

Сейчас книги забытого писателя возвращаются из небытия, так же, как и не включавшиеся ранее в собрания сочинений романы А. Дюма, Г. Эмара, Р. Киплинга. И вместе с потерянными книгами «из детства» мы понемногу это детство обретаем. Бесспорно, что-то из возвращенного вновь забудется, но забывать и помнить мы уже будем не по команде, а сами. И это хорошо.

► Андрей КУНАРЕВ